

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Литературные мечтания

1834

<...>

Два писателя встретили век Александра и справедливо почитались лучшим украшением начала оного: Карамзин и Дмитриев. Карамзин — вот актер нашей литературы, который еще при первом своем дебюте, при первом своем появлении на сцену, был встречен и громкими рукоплесканиями и громким свистом! Вот имя, за которое было дано столько кровавых битв, произошло столько отчаянных схваток, переломлено столько копий! И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этот звук оружия, давно ли враждующие партии вложили мечи в ножны и теперь селятся объяснять себе, из чего они воевали? Кто из читающих строки сии не был свидетелем этих литературных побоищ, не слышал этого оглушающего рева похвал преувеличенных и бессмысленных, этих порицаний, частью справедливых, частью нелепых? И теперь, на могиле незабвенного мужа, разве уже решена победа, разве восторжествовала та или другая сторона? Увы! еще нет! С одной стороны, нас, как «верных сынов отчизны», призывают «молиться на могиле Карамзина» и «шептать его святое имя»¹, а с другой — слушают это воззвание с недоверчивой и насмешливою улыбкою. Любопытное зрелище! Борьба двух поколений, не понимающих одно другого! И в самом деле, не смешно ли думать, что победа останется на стороне гг. Иванчиных-Писаревых², Сомовых³ и т. п.? Еще нелепее воображать, что ее упрочит за собой г. Арцыбашев⁴ с братиею⁵.

Карамзин... *mais je reviens toujours à mes moutons**. Знаете ли, что наиболее вредило, вредит и, как кажется, еще долго

* но я все время возвращаюсь к моим баранам (фр.) — перефразированное выражение из средневекового фарса об адвокате Патлене; употребляется в значении «возвращаться к предмету разговора». — Ред.

будет вредить распространению на Руси основательных понятий о литературе и усовершенствований вкуса? *Литературное идолопоклонство!* Дети, мы еще всё молимся и поклоняемся многочисленным богам нашего многолюдного Олимпа и нимало не заботимся о том, чтобы справляться почаще с метриками, дабы узнать, точно ли небесного происхождения предметы нашего обожания. Что делать? Слепой фанатизм всегда бывает уделом младенчеству обществ. Помните ли вы, чего стоили Мерзлякову⁶ его критические отзывы о Хераскове?⁷ Помните ли, как пришлись г. Каченовскому его замечания на «Историю государства российского», эти замечания старца, в коих было высказано почти всё, что говорили потом об истории Карамзина юноши? Да — много, слишком много нужно у нас бескорыстной любви к истине и силы характера, чтобы посягнуть даже на какой-нибудь авторитетик, не только что авторитет: разве приятно вам будет, когда вас во всеуслышание ославят ненавистником отечества, завистником таланта, бездушным зоилом, *желтяком*? И кто же? Люди, почти безграмотные, невежды, ожесточенные против успехов ума, упрямо держащиеся за свою раковинную скорлупку, когда всё вокруг них идет, бежит, летит! И не правы ли они в сем случае? Чего остается ожидать для себя, например, г. Иванчину-Писареву, г. Воейкову⁸ или кн. Шаликову⁹, когда они слышат, что Карамзин не художник, не гений, и другие подобные безбожные мнения? Они, которые питались крохами, падавшими с трапезы этого человека, и на них основывали здание своего бессмертия? Является г. Арцыбашев с критическими статейками, в коих доказывает, что Карамзин часто и притом без всякой нужды отступал от летописей, служивших ему источниками, часто по своей воле или прихоти искажал их смысл; и что же? — Вы думаете, поклонники Карамзина тотчас принялись за сличку и изобличили г. Арцыбашева в клевете? Ничего не бывало. Странные люди! К чему вам толковать о зависти и зоилах, о каменщиках и скульпторах, к чему вам бросаться на пустые, ничтожные фразы в сносках, сражаться с тенью и шуметь из ничего? Пусть г. Арцыбашев и завидует славе Карамзина: поверьте, ему не убить этим Карамзина, если он пользуется заслуженною славой; пусть он с важностью доказывает, что слог Карамзина *неподобозвучен* — Бог с ним — это только смешно, а ничуть не досадно. Не лучше ли вам взять в руки летописи и доказать, что или г. Арцыбашев клеветает, или промахи историка незначительны и ничтожны, а не то совсем ничего не говорить? Но, бедные, вам не под силу этот труд, вы и в глаза не видывали летописей, вы плохо знаете историю:

Так из чего же вы беснуетесь столько? ¹⁰

Однако ж, что ни говори, а таких людей, к несчастью, много.

И вот общественное мнение!
И вот на чем вертится свет! ¹¹

Карамзин отметил своим именем эпоху в нашей словесности; его влияние на современников было так велико и сильно, что целый период нашей литературы от девяностых до двадцатых годов по справедливости называется периодом *Карамзинским*. Одно уже это достаточно доказывает, что Карамзин, по своему образованию, целою головою превышал своих современников. За ним еще и по сию пору, хотя нетвердо и неопределенно, кроме имени историка, остаются имена писателя, поэта, художника, стихотворца. Рассмотрим его права на эти титулы. Для Карамзина еще не наступило потомство. Кто из нас не утешался в детстве его повестями, не мечтал и не плакал с его сочинениями? А ведь воспоминания детства так сладостны, так обольстительны: можно ли тут быть беспристрастными? Однако ж попытаемся.

Представьте себе общество разнохарактерное, разнородное, можно сказать, разноплеменное; одна часть его читала, говорила, мыслила и молилась Богу на французском языке; другая знала наизусть Державина ¹² и ставила его наравне не только с Ломоносовым ¹³, но и с Петровым ¹⁴, Сумароковым ¹⁵ и Херасковым; первая очень плохо знала русский язык; вторая была приучена к напыщенному, схоластическому языку автора «Россияды» и «Кадма и Гармонии»; общий же характер обеих состоял из полудикости и полуобразованности; словом, общество с охотою к чтению, но без всяких светлых идей об литературе. И вот является юноша, душа которого была отверзта для всего благого и прекрасного, но который, при счастливых дарованиях и большом уме, был обделен просвещением и ученою образованностию, как увидим ниже. Не ставши наравне с своим веком, он был несравненно выше своего общества. Этот юноша смотрел на жизнь, как на подвиг, и, полный сил юности, алкал славы авторства, алкал чести быть споспешествователем успехов отечества на пути к просвещению, и вся его жизнь была этим святым и прекрасным подвижничеством. Не правда ли, что Карамзин был человек необыкновенный, что он достоин высокого уважения, если не благоговения? Но не забывайте, что не должно смешивать человека с писателем и художником. Будь сказано, впрочем, без всякого применения к Карамзину, этак, чего доброго! и Ролленъ ¹⁶ попадет во святые. Намерение и исполне-

ние — две вещи различные. Теперь посмотрим, как выполнил Карамзин свою высокую миссию.

Он видел, как мало было у нас сделано, как дурно понимали его собратия по ремеслу, что должно было делать, видел, что высшее сословие имело причину презирать родным языком, ибо язык письменный был в раздоре с языком разговорным. Тогда был век *фразеологии*, гнались за словами и мысли подбирали к словам только для смысла. Карамзин был одарен от природы верным музыкальным ухом для языка и способностью объясняться плавно и красно, следовательно, ему не трудно было преобразовать язык. Говорят, что он сделал наш язык сколком с французского, как Ломоносов сделал его сколком с латинского: это справедливо только отчасти. Вероятно, Карамзин старался писать, как говорится. Погрешность его в сем случае та, что он презрел идиомами русского языка, не прислушивался к языку простолюдинов и не изучал вообще родных источников. Но он исправил эту ошибку в своей «Истории». Карамзин предположил себе целию — *приучить, приохотить русскую публику к чтению*. Спрашиваю вас: может ли призвание художника согласиться с какой-нибудь заранее предположенной целию, как бы ни была прекрасна эта цель? Этого мало: может ли художник унизиться, нагнуться, так сказать, к публике, которая была бы ему по колена и потому не могла бы его понимать? Положим, что и может; тогда другой вопрос: может ли он в таком случае остаться художником в своих созданиях? Без всякого сомнения, нет. Кто объясняется с ребенком, тот сам делается на это время ребенком. Карамзин писал для детей и писал по-детски: удивительно ли, что эти дети, сделавшись взрослыми, забыли его и, в свою очередь, передали его сочинения своим детям? Это в порядке вещей: дитя с доверчивостию и с горячею верою слушал рассказы своей старой няни, водившей его на помочах, о мертвецах и привидениях, а выросши смеется над ее рассказами. Вам поручен ребенок: смотрите ж, что этот ребенок будет отроком, потом юношей, а там и мужем, и потому следите за развитием его дарований, и, сообразно с ним, переменяйте методу вашего ученья, будьте всегда выше его; иначе вам худо будет: этот ребенок станет в глаза смеяться над вами. Уча его, еще больше учитесь сами, а не то он перегонит вас: дети растут быстро. Теперь скажите, по совести, *sine ira et studio* *, как говорят наши записные ученые: кто виноват, что как прежде плакали над «Бедною Лизою», так

* без гнева и пристрастия (лат.).

ныне смеются над нею? Воля ваша, гг. поклонники Карамзина, а я скорее соглашусь читать повести Барона Брамбеуса¹⁷, чем «Бедную Лизу» или «Наталью боярскую дочь»! Другие времена, другие нравы! Повести Карамзина приучили публику к чтению, многие выучились по ним читать; будем же благодарны их автору; но оставим их в покое, даже вырвем их из рук наших детей, ибо они наделают им много вреда: растлят их чувство приторною чувствительностью.

Кроме сего, сочинения Карамзина теряют в наше время много достоинства еще и оттого, что он редко был в них *искренен и естествен*. Век *фразеологии* для нас проходит; по нашим понятиям, фраза должна прибираться для выражения мысли или чувства; прежде мысль и чувство приискивались для звонкой фразы. Знаю, что мы еще и теперь не безгрешны в этом отношении; по крайней мере, теперь, если легко выставить мишуру за золото, ходули ума и потуги чувства за игру ума и пламень чувства, то не надолго, и чем живее обольщение, тем бывает мстительнее разочарование, чем больше благоговения к ложному божеству, тем жесточайшее поношение наказывает самозванца. Вообще ныне как-то стало откровеннее; всякий истинно образованный человек скорее сознается, что он не понимает той или другой красоты автора, но не станет обнаруживать насильственного восхищения. Посему ныне едва ли найдется такой добренький простачок, который бы поверил, что обильные потоки слез Карамзина изливались от души и сердца, а не были любимым кокетством его таланта, привычными ходульками его авторства. Подобная ложность и натянутость чувства тем жалостнее, когда автор человек с дарованием. Никто не подумает осуждать за подобный недостаток, например, чувствительного кн. Шаликова, потому что никто не подумает читать его чувствительных творений. Итак, здесь авторитет не только <не> оправдание, но еще двойная вина. В самом деле, не странно ли видеть взрослого человека, хотя бы этот человек был сам Карамзин, не странно ли видеть взрослого человека, который проливает обильные источники слез и при взгляде на кривой глаз великого мужа грамматики, и при виде необозримых песков, окружающих Кале, и над травками и над муравками, и над букашками и таракашками? Ведь и то сказать:

Не всё нам реки слезные
Лить о бедствиях существенных!¹⁸

Эта слезливость, или, лучше сказать, плаксивость, нередко портит лучшие страницы его истории. Скажут: тогда был такой

век. Неправда: характер осьмнадцатого столетия отнюдь не состоит в одной плаксивости; притом же здравый смысл старше всех столетий, а он запрещает плакать, когда хочется смеяться, и смеяться, когда хочется плакать. Это просто было детство смешное и жалкое, мания странная и неизъяснимая.

Теперь другой вопрос: столько ли он сделал, сколько мог, или меньше? Отвечаю утвердительно: *меньше*. Он отправился путешествовать: какой прекрасный случай предстоял ему развернуть пред глазами своих соотечественников великую и обольстительную картину вековых плодов просвещения, успехов цивилизации и общественного образования благородных представителей человеческого рода!.. Ему так легко было это сделать! Его перо было так красноречиво! Его кредит у современников был так велик! И что ж он сделал вместо всего этого? Чем наполнены его «Письма русского путешественника»? Мы узнаем из них, по большей части, где он обедал, где ужинал, какое кушанье подавали ему и сколько взял с него трактирщик; узнаем, как г. Б*** волочился за г-жою N и как белка оцарапала ему нос; как восходило солнце над какою-нибудь швейцарскою деревушкою, из которой шла пастушка с букетом роз на груди и гнала перед собою корову... Стоило ли из этого ездить так далеко?.. Сравните в сем отношении «Письма русского путешественника» с «Письмами к вельможе» Фонвизина¹⁹ — письмами, написанными прежде: какая разница! Карамзин виделся со многими знаменитыми людьми Германии, и что же он узнал из разговоров с ними? То, что все они люди добрые, наслаждающиеся спокойствием совести и ясностью духа. И как скромны, как обыкновенны его разговоры с ними! Во Франции он был счастливее в сем случае, по известной причине: вспомните свидание *русского скифа с французским Платоном*²⁰. Отчего же это произошло? Оттого, что он не приготовился надлежащим образом к путешествию, что не был учен основательно. Но, несмотря на это, ничтожность его «Писем русского путешественника» происходит больше от его личного характера, чем от недостатка в сведениях. Он не совсем хорошо знал нужды России в умственном отношении. О стихах его нечего много говорить: это те же фразы, только с рифмами. В них Карамзин, как и везде, является преобразователем языка, а отнюдь не поэтом.

Вот недостатки сочинений Карамзина, вот причина, что он так был скоро забыт, что он едва не пережил своей славы. Справедливость требует заметить, что его сочинения там, где он не увлекается сентиментальностью и говорит от души, дышат ка-

кою-то сердечною теплотою; это особенно заметно в тех местах, где он говорит о России. Да, он любил добро, любил отечество, служил ему сколько мог; имя его бессмертно, но сочинения его, исключая «Истории», умерли, и не воскреснуть им, несмотря на все возгласы людей, подобных гг. Иванчину-Писареву и Оресту Сомову!..

«История государства российского» есть важнейший подвиг Карамзина; он отразился в ней весь со всеми своими недостатками и достоинствами. Не берусь судить о сем произведении *ученым* образом, ибо, признаюсь откровенно, этот труд был бы далеко не под силу мне. Мое мнение (весьма не новое) будет мнением любителя, а не знатока. Сообразив всё, что было сделано для систематической истории до Карамзина, нельзя не признать его труда подвигом исполинским. Главный недостаток оного состоит в его взгляде на вещи и события, часто детском и всегда, по крайней мере, не мужеском; в ораторской шумихе и неуместном желании быть наставительным, поучать там, где сами факты говорят за себя; в пристрастии к героям повествования, делающем честь сердцу автора, но не его уму. Главное достоинство его состоит в занимательности рассказа и искусном изложении событий, нередко в художественной обрисовке характеров, а более всего в слоге, в котором Карамзин решительно торжествует здесь. В сем последнем отношении у нас и по сию пору не написано еще ничего подобного. В «Истории государства российского» слог Карамзина есть слог русский по преимуществу; ему можно поставить в параллель только в стихах «Бориса Годунова» Пушкина. Это совсем не то, что слог его мелких сочинений; ибо здесь автор черпал из родных источников, упитан духом исторических памятников; здесь его слог, за исключением первых четырех томов, где по большей части одна риторическая шумиха, но где всё-таки язык удивительно обработан, имеет характер важности, величавости и энергии и часто переходит в истинное красноречие. Словом, по выражению одного нашего критика, в «Истории государства российского» языку нашему воздвигнут такой памятник, о который время изломает свою косу. Повторяю: имя Карамзина бессмертно, но сочинения его, исключая «Историю», уже умерли и никогда не воскреснут!..

<...>

В прошедшей статье я обозрел *Карамзинский* период нашей словесности, период, продолжавшийся целую четверть столетия. Целый период словесности, целая четверть века ознаменованы

влиянием одного таланта, одного человека, а ведь четверть века много, слишком много значит для такой литературы, которая не дожила еще пяти лет до своего второго столетия! * И что же произвел великого и прочного этот период? Где теперь гении, которыми он, бывало, так красовался и величался? Изю всех них один только велик и бессмертен без всяких отношений, и этот один не заплатил дани Карамзину, который брал свою обычную дань даже и с таких людей, кои были выше его и по таланту и по образованию: говорю о Крылове. Повторяю: что сделано в этот период для бессмертия? Один познакомил нас несколько, и притом односторонним образом, с немецкою и английскою литературою, другой с французским театром, третий с французскою критикою XVII столетия, четвертый...²¹ Но где же литература? Не ищите ее: напрасен будет ваш труд; пересаженные цветы недолговечны: это истина неоспоримая. <...>

За *Карамзинским* периодом нашей словесности последовал период *Пушкинский*, продолжавшийся почти ровно десять лет. Говорю *Пушкинский*, ибо кто не согласится, что Пушкин был главою этого десятилетия, что всё тогда шло от него и к нему? Впрочем, я не то здесь думаю, чтобы Пушкин был для своего времени совершенно то же, что Карамзин для своего. Одно уж то, что его деятельность была бессознательною деятельностью художника, а не практическою и преднамеренною деятельностью писателя, полагает большую разницу между им и Карамзиным. Пушкин владычествовал единственно силою своего таланта и тем, что он был сыном своего века; владычество же Карамзина в последнее время основывалось на слепом уважении к его авторитету. <...>

* Литература наша, без всякого сомнения, началась в 1739 году, когда Ломоносов прислал из-за границы свою первую оду «На взятие Хотина». Нужно ли повторять, что не с Кантемира и не с Тредьяковского, а тем более не с Симеона Полоцкого началась наша литература? Нужно ли доказывать, что «Слово о полку Игореве», «Сказание о донском побоище», красноречивое «Послание Вассиана к Иоанну III» и другие исторические памятники, народные песни и схоластическое духовное красноречие имеют точно такое же отношение к нашей словесности, как и памятники допотопной литературы, если бы они были открыты, к *санскритской, греческой* или *латинской* литературе? Такие истины надобно доказывать только гг. Гречу и Плаксину, с коими я не намерен вступать в ученые состязания.